

Секция «Политические науки»

Территория власти. Государство – это я или не я?

Соловьева Дарья Алексеевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, политологии,

Москва, Россия

E-mail: amtone4ka@ya.ru

Эпиграфом к данной статье будет изречение Бенджамина Франклина, которое звучит довольно резко, нетерпимо, и, если можно так выразиться, «негуманно», но, несмотря на все это, является прекрасным выражением сути данного исследования. «Те, кто готов отдать свою свободу, чтобы приобрести недолговечную защиту от опасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности» - говорил выдающийся политик и мыслитель.

В данной статье мы будем рассматривать в ретроспективе феномен трансформации границ государственной власти, опираясь на труды Т.Гоббса и М.Фуко. Несмотря на то, что темпоральный разрыв между годами творчества эстатиста Т.Гоббса и философа эпохи постмодерна М.Фуко составляет около 300 лет, мы вправе проводить определенные аналогии и выводить тенденции, ибо в работах именно этих мыслителей наиболее ярко выражена характеристика отношений власти и общества. Собственно, здесь можно отчетливо увидеть аутентичную специфику отношений личности, общества и государства в XVII и XX-XXI веке.

Как известно, с точки зрения Т. Гоббса люди заключили общественный договор, чтобы выйти из губительного для всякого индивида естественного состояния [2], которое он определяет как *bellum omnium contra omnes*. В какой-то мере можно говорить о том, что покидая состояние «войны всех против всех» люди не только обретают, но и теряют. Таким образом, можно подчеркнуть некую «двойственность» этого самого перехода. С одной стороны, перейдя в гражданское состояние участники договора обретают главное – безопасность. Учитывая исторический контекст формирования теории общественного договора Т.Гоббса, вполне объяснимо, почему он считает этот договор рациональным и выгодным для его участников. С другой стороны, можно говорить о том, что обретая безопасность, человек утрачивает абсолютную свободу, право на все, которое он имеет в естественном состоянии. Теперь, в общественном состоянии, свобода становится ограниченной. Как раз в этом и заключается суть общественного договора: каждый отдает часть своей свободы и воли суверену и получает взамен на это гарантии личной безопасности. Именно тогда, по нашему мнению, и возникает проблема в некотором роде, тотального вмешательства государства в личную жизнь гражданина. У людей остается так называемая «свобода воли», но все остальное ограничивается законами.

С нашей точки зрения именно в теории Гоббса можно проследить зачатки концепции дисциплинарного общества, которую мы находим в развернутом виде у Фуко. Гоббс выстраивает в своей теории идеальную модель общества, которое с определенными поправками можно назвать «дисциплинарным». Особый интерес Гоббс тут представляет как теоретик договорной теории образования государства, так как учитывая что государство – это продукт договора, подобное устройство общества является легитимным.

У Гоббса мы можем видеть зачатки тех социальных феноменов, которые Фуко описывает в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Гоббс дает государству, этому могущественному Левиафану, власть над телом, но душа человека здесь еще свободна. Фуко же, описывая трансформацию карательных институтов государства, приводит принцип, сформулированный Мабли: «Наказание, скажем так, должно поражать скорее душу, чем тело». Но также Фуко отмечает, что карательный захват тела не отошел в прошлое – ведь осужденный должен испытывать большие физические страдания, чем другие люди, а «страдания души» невозможно показать обществу в качестве свершившегося акта наказания и искупления вины [3].

Таким образом, можно подвести промежуточный итог: власть государства над гражданами легитимна, дисциплинарна, и, примерно с 60-х годов XVIII века имеет в своем распоряжении не только тело человека, но и его душу. Власть государства над человеком становится тотальной. Тотальность государственной власти не зависит от формы правления или режима, незримый властный диктат проявляет свою тотальность и в так называемых тоталитарных государствах [1] и в демократических. Властный дискурс существует не только в качестве метода, с помощью которого исследуются «неправильные» индивиды и назначаются формы ответственности за противоправное деяние, но, несомненно, главная функция дискурса и знания – это возможность формирования общества, где власть нормы, формируемой властью, навязывается каждому его члену.

Если говорить о современном обществе, то в последнее время нам навязывается иллюзия того, что само общество может управлять властным дискурсом. Та же делиберативная политика, которая, по идее, должна явить как результат своего существования консенсус, не может претендовать на снятие тотального диктата власти и властного дискурса над обществом. Вопрос о дальнейшей трансформации власти и ее взаимодействии с обществом остается открытым.

Литература

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.